

ями «османнизации» Парижа. Сохранилось воспоминание о крылатомъ словѣ Османна. Кто-то однажды его спросилъ, когда будетъ проложена какая-то новая улица.

— Не знаю... Развѣ эта улица нужна?

— О, безусловно!..

— Въ такомъ случаѣ, я не могу вамъ ничего сказать. Развѣ она нужна — я ею не занимаюсь. Я дѣлаю только то, что ненужно..

Въ источникѣ, откуда анекдотъ, его приводятъ для характеристики самодурства и безсистемности Османна. Между тѣмъ въ этомъ

ответѣ съ его печальной, нѣсколь-ко высокомерной иронией, заключалась глубоко справедливая мысль. Большія дѣла, крупныя передвиженія впередъ, рѣдко несутъ ясную осязаемую современникамъ пользу. Они приходятъ какъ мечта о будущемъ и проводятся дальнозоркими самоуправцами-энтузиастами, а не голосованіями парламента, который во Франціи за 15 лѣтъ до Османна, подавляющимъ большинствомъ голосовъ отвергъ сооруженіе первой большой сѣти желѣзныхъ дорогъ.

Н. Чебышевъ.

2 Литература и искусство.

НОВЫЙ СБОРНИКЪ БУНИНА *

Здѣсь, на чужбинѣ, развѣ въ годъ по книгѣ дарить намъ Бунинъ. Была «Роза Іерихона», въ прошломъ году, какъ развѣ къ январю же, вышла столь нашумѣвшая «Митина любовь», теперь передъ нами — «Солнечный ударъ».

Сборникъ рассказовъ, повѣстей, очерковъ. Въ прежнихъ бунинскихъ книгахъ, какъ и когда то прежде въ Россіи, къ нимъ примыкали бунинскіе стихи. На этотъ развѣ ихъ нѣтъ, мѣсто ихъ занимаютъ — впервые у Бунина — страницы философической лирики.

Солнечный ударъ... Съ самыхъ же первыхъ строкъ, съ первыхъ же начальныхъ фразъ, раскрывъ эту книгу, мы сразу же оказыва-

*) Ив. Бунинъ. «Солнечный ударъ». Изд. Родникъ. Парижъ. 1927. стр., 164.

емся во власти, въ плѣну особой психической атмосферы, почти физически испытывая на себѣ воздѣйствіе торжествующей, переполненной до краевъ, избыточествующей волей къ жизни, особой солнечной энергіи, солнечной радости.

«Послѣ обѣда вышли изъ ярко и горячо освѣщенной столовой на палубу и остановились у поручней. Она закрыла глаза, ладонью наружу приложила руку къ щекамъ, засмѣялась простымъ, прелестнымъ смѣхомъ, — все было прелестно въ этой маленькой женщинѣ — и сказала...» — и такъ не отрываясь, залпомъ мы будемъ долго пить какъ бы изъ чаши, приобщающей насъ черезъ это творчество Бунина къ той радости, которую такъ много давно, въ былые годы, мы получали въ родныхъ мѣстахъ отъ одного вѣшняго общенія съ ними, отъ одного непосредственна-

го воспріятія природной благодати нашего русскаго лѣтняго дня. И передъ нами, какъ въ сновидѣніи, безгранично разольется Волга — огромная, блестящая подъ солнцемъ рѣка», «сіяющая даль воды и неба», весь этотъ «безмерный волжскій просторъ». И мы встрѣтимъ еще и еще развѣ — и плоты, и желтыя отмели, и розовый Самонгъ, и волжскій крутой берегъ и на немъ маленькій уѣздный городъ...

«Все было хорошо, во всемъ было безмерное счастье, великая радость, даже въ этомъ зноѣ и во всехъ базарныхъ запахахъ, во всемъ этомъ незнакомомъ городишкѣ и въ этой старой уѣздной гостиницѣ была она, эта радость...»

О, какъ мы понимаемъ, какъ помнимъ это наше былое жизненастроеніе! И этотъ разлитый вокругъ избытокъ радостной, согревающей животворящей энергіи составляетъ неоцѣнимое богатство книги Бунина, которая недаромъ выпущена авторомъ подъ такимъ заглавіемъ. Но скоро, очень скоро, на первыхъ же страницахъ ея, на этомъ великолѣпномъ, залитомъ солнечными лучами фонѣ, мы неизбежно ощущимъ и тревожную, щемящую ноту какой то боли, чего то томящаго и порою вспыхивающаго острымъ обжигающимъ пламенемъ.

«А вмѣстѣ съ тѣмъ сердце просто разрывалось на части...» — такъ заключаются только что написанныя выше строки, исполненные славословіемъ и гимномъ.

«Совѣмъ разгулялись нервы...».

«Какъ дико, какъ нелѣпо, страшно все будничное, обычное...»

Всѣ эти восклицанія въ первомъ рассказѣ Бунина, напечатанномъ въ «Солнечномъ ударѣ» и давшемъ

всей книгѣ свое имя, такъ же, какъ и заключительная его фраза: — «... сидѣлъ подъ навѣсомъ на палубѣ, чувствуя себя постарѣвшимъ на десять лѣтъ», — отзываются въ нашей душѣ смутной тревогой и щемящей болью.

Второй рассказъ, напечатанный въ этой книгѣ — «Ида», — рассказъ бурно темпераментный, но и нераздѣльно гармонической. Это — восторженный гимнъ молодости, красотѣ, женщинѣ, русской женщинѣ. Но тутъ же непосредственно же за нимъ другой рассказъ о другой женщинѣ съ «мордовскимъ сарафаномъ», въ какомъ то душномъ, заставленномъ бездѣлушками и всякими ненужностями интерьерѣ — передаетъ намъ лишь одну звенящую болѣзненную ноту.

Встрѣча съ женщиной и мужское чувство къ женщинѣ — являются центральной темой этихъ нѣсколькихъ рассказовъ, и если въ прошломъ году бунинская «Митина любовь» раскрывала передъ нами мужской міръ, темный, потрясенный этимъ вторженіемъ въ него мечты о женщинѣ, на самой зарѣ жизни, въ душѣ почти мальчика — юноши Мити, то вотъ въ рассказѣ о «Дѣлѣ корнета Елагина», напечатанномъ въ «Солнечномъ ударѣ», передъ нами трагедія уже не дѣтская, трагедія испытанныхъ въ чувствахъ людей — воскрешаемаго передъ нами еще развѣ въ русской литературѣ призрака дермонтовскаго Печорина и его трагической спутницы, въ литературѣ, какъ феноменъ человѣческой психики, генетически восходящей къ героинѣ пушкинскихъ «Египетскихъ ночей» и дальше, черезъ тысячелѣтія, къ какойнибудь римлянкѣ эпохъ Тацита. Въ новой книгѣ Бунина это

«Дѣло корнета Елагина» занимает наибольшее мѣсто по числу страницъ. Читаете ихъ, и съ каждой страницей все тревожище и безысходниче становится на душѣ передъ лицомъ развертываемой здѣсь житейской сумятицы. — «Ужасное дѣло это — дѣло странное, загадочное, неразрѣшимое». . . — начинать свое повѣствованіе самъ Бунинъ. — «Съ одной стороны оно очень просто, а съ другой очень сложно, похоже на бульварный романъ». . . — И вотъ мы во власти этого «бульварнаго романа», не смотря на нежеланіе, несмотря, можетъ быть, даже на нашъ протестъ противъ этой чужой жизни, повелительно увлекаемся мы волей таланта писателя, во всѣ ея перипетіи, и овладѣваемъ собою лишь въ раздуміи надъ поставленнымъ авторомъ въ заключеніи вопросомъ о винѣ «корнета Елагина». Чужая, ненужная намъ жизнь, отжившая мишура, безцѣнный для насъ блескъ, утомительный, назойливый чужой міръ! . . . — но все же мы уже нераздѣльны съ героемъ и героиней этого «дѣла», и намъ не легко развѣять чары этого навѣяннаго на насъ воспоминанія о какой-то давнишней были.

А дальше всего лишь два разсказа изъ нашей современной французской дѣйствительности, — два небольшихъ очерка: миниатюра, жуткая страничка, навѣянная, можетъ быть, вычитанной изъ французской бульварной газеты замѣткой о страшномъ убійствѣ — объ убійствѣ «старой француженки въ каштановомъ парикѣ и съ рачьиими глазами» въ одинокой усадьбѣ; въ голомъ, обезображенномъ зимней смертью, паркѣ, объ убійствѣ, совершенномъ въ

глухую ночь двумя неизвѣстными мужчинами. . . — разсказъ, заключающій въ себѣ пессимистическія недоумѣнные слова: — «все-таки самое страшное на землѣ — человѣкъ» его душа». . . И, вслѣдъ за нимъ, «Notre Dame de la Garde» — рѣзко расходящійся съ этимъ настроеніемъ лирической разсказъ о встрѣчахъ нашего писателя въ желѣзнодорожномъ вагонѣ на пути въ Марсель, пронизанный славословіями Божьей Матери, заимствованными изъ католической литаніи, на подобіе нашего православнаго акафиста — разсказъ о «самомъ прекрасномъ, что есть въ человѣческой душѣ».

А потомъ мы опять у себя, на родинѣ, у себя дома, и не въ душныхъ столицахъ, а передъ лицомъ русской природы, лицомъ къ лицу передъ нашей деревней, деревней, потрясенной уже первыми раскатами отдаленнаго революціоннаго грома.

Я не буду писать подробно объ этомъ Бунинѣ, заносащемъ въ свою «записную книжку» то, что слышалъ онъ тогда на своемъ пути въ эти годы: острота наблюденія и заостренная, можетъ быть, чрезмерно заостренная передача человѣческой глупости — хорошей извѣстна намъ всѣмъ въ этомъ писателѣ.

Заключается книга Бунина вдохновенной лирикой на тему о самомъ главномъ — о смыслѣ жизни, о вѣчности, о томъ, что будетъ когда исполнены будутъ сроки. — Подъ «неумолчный однообразный, ни на секунду не прерывающійся хрустальный звонъ цикады» размышляетъ писатель-поэтъ въ наши дни на эти вѣчныя темы. А въ другой разъ — въ былые годы —

эти же вопросы, но уже въ гораздо болѣе оптимистической постановкѣ, приходили къ нему среди безмѣрной, безграничной водной стихіи, — подъ тропиками — подъ экваторомъ, — окруженному «водами многими» на пути его по южнымъ океанамъ и морямъ на дальній юго-востокъ, въ страну древней мудрости и знойной экзотики.

Эта лирическая философія еще болѣе дѣлаетъ эту книгу книгой большого душевнаго напряженія и безпокойства, душевныхъ перебоевъ, сознанія и предчувствія неизбежности страшнѣйшихъ душевныхъ и духовныхъ катаклизмовъ. Въ этомъ «Солнечномъ ударѣ» Бунина передъ нами развертывается не спокойно и безмятежно раскрывающійся свитокъ, подобный глади и тиши морской. Нѣтъ, когда читаешь эти нервныя, но и столь восхитительныя, столь упонительныя страницы бунинской художественной прозы, неизбежно думаешь о жизненныхъ ударахъ, о потрясающей катастрофѣ человѣка передъ лицомъ великой Природы. Это — спокойная книга. Она тревожитъ насъ, напоминая намъ, что въ этомъ «наилучшемъ изъ всѣхъ лучшихъ міровъ» велика сила затаившейся темной стихіи хаоса.

Лоллій Львовъ.

КОЕ ЧТО О МУЗЫКАЛЬНОЙ СОВРЕМЕННОСТИ И О ПРЕД- РАЗСВѢТНЫХЪ ПѢТУХАХЪ

Двадцать лѣтъ тому назадъ крупный русскій композиторъ Цезарь Кюи рассказывалъ мнѣ о сво-

ихъ музыкально-теоретическихъ занятіяхъ подъ руководствомъ извѣстнаго Монюшки, автора оперы «Галька». Запутавшись какъ-то въ объясненіи одного сложнаго гармоническаго момента, Монюшко остановился, указавъ рукою на свое сердце, и сказалъ молодому Кюи слѣдующее:

— Ахъ, мой милый, это надо чувствовать, вся гармонія сидитъ здѣсь. . .

Нѣсколько иначе выражать эту же мысль величайшій музыкальный ученый нашего времени С. И. Танинъ, который, провѣряя задачи своихъ учениковъ по контрапункту, иногда опредѣлялъ качество работы такъ:

— Это правильно, но некрасиво, а это не вполне правильно, но красиво. . .

Оба профессора считали послѣднимъ, рѣшающимъ судьей художественной правды человѣческое сердце и художественный вкусъ.

Насколько можно заглянуть въ глубину тысячелѣтій и судить о человѣческомъ сердцѣ по памятникамъ литературы и другихъ искусствъ, сердце человѣческое остается все прежнимъ, если не окаменѣваетъ понемногу, приближаясь къ нашимъ временамъ. И вкусъ художественный, если не считается съ неизбежными колебаніями уровня, оставался тысячелѣтіями въ одной плоскости. Я увѣренъ, что древній грекъ, чудомъ посѣтившій наши музеи, нашелъ бы, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, справедливейшую нашу оцѣнку современныхъ ему художественныхъ произведеній искусства и быта, и согласился бы съ нашимъ чувствомъ іерархій, устанавливающимъ шедевры на почет-